

thropological and ethical aspects of this problem can also detect its philosophical core that is concentrated around the issues of medical decision making. Contemporary studies in medical humanities reveal an interactive structure of the processes involved in it medical professionals and individuals who do not have professional knowledge. Attempted analysis allows us to conclude, that the practice of medical decision making opens the field for the development of specific philosophy of therapeutic choice that is relevant to the condition of contemporary social and cultural transformations.

Key words: medical humanities, relationship of doctor and patient, medical decision making, therapeutic choice, philosophy practice.

References

1. Bynum W. F., Hardy A., Jacyna S., Lawrence C., Tansey E. M. *The western medical tradition 1800 to 2000*. Cambridge, 2006. 614 p.
2. Mikhel D. V. Medikalizatsiya kak social'nyiy fenomen (Medicalization as a social phenomenon). *Vestnik Sarat. gos. tekhn. un-ta* (Vestnik Saratov State Technical University), 2011, no. 4, pp. 256–263.
3. Parsons T. *The social system: the major exposition of the author's conceptual scheme for the analysis of the dynamics of the social system*. New York, 1951. 575 p.
4. Jewson N. The Disappearance of the sick-man from medical cosmology, 1770–1870. *International journal of epidemiology*, 2009, vol. 38, no. 3, pp. 622–633.
5. Mikhel D. V. Sotsial'naya istoriya meditsiny: stanovlenie i problematika (Social history of medicine: development and problemacy). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* (The journal of social policy studies), 2009, vol. 7, no. 3, pp. 295–312.
6. Mikhel D. V. Izuchaya kul'turu, zdorov'e i bolezni' (Studying the culture, health and illness: medical anthropology as a field of knowledge). *Vestn. Sarat. gos. tekhn. un-ta* (Vestnik Saratov State Technical University), 2013, no. 2, pp. 205–217.
7. Eisenberg L. Disease and illness: distinctions between professional and popular ideas of sickness. *Culture, medicine, and psychiatry*, 1977. vol. 1, no. 1, pp. 9–23.
8. Kleinman A. *Patients and healers in the context of culture: an exploration of the borderland between anthropology, medicine, and psychiatry*. Berkeley, Ca., 1980. 427 p.
9. Pellegrino E. D. The caring ethic: the relation of physician to patient. *Caring, curing, coping*. Eds. A. H. Bishop, J. R. Jr. Scudder Lynchburg, Va., 1985. pp. 8–30.
10. Rothman D. J. *Strangers at the bedside: a history of how law and bioethics transformed medical decision making*. New York, 1991. 303 p.
11. Reich W. T. The care-based ethic of nazi medicine and the moral importance of what we care about. *American Journal of Bioethics*, 2001, vol. 1, no. 1, pp. 64–74.
12. Mikhel D. V. Razvitiye filozofii meditsiny na Zapade: osnovnye epizody (Development of medical philosophy in the West: the main stages). *Filozofskie problemy biologii i meditsiny. Vyp. 6. Svoboda i otvetstvennost': sbornik statey* (Philosophical problems of biology and medicine. Iss. 6. Freedom and responsibility: a collection of essays). Moscow, 2012, pp. 339–342.
13. Pellegrino E. D., Thomasma D. C. *Helping and healing: religious commitment in health care*. Washington D.C., 1997. 167 p.
14. Derner K. *Khoroshiy vrach: uchebnyy posobie po pozitsii vracha* (Good physician. A handbook of main position for a physician). Moscow, 2006. 543 p.
15. Sargent C. F. *The cultural context of therapeutic choice: obstetrical care decisions among the Bariba of Benin*. Dordrecht, 1982. 192 p.
16. Schuster S. C. *Philosophy practice: an alternative to counseling and psychotherapy*. Westport, CT., 1999. 224 p.
17. Seifert J. *The philosophical diseases of medicine and their cure: philosophy and ethics of medicine. Vol. 1. Foundations (philosophy and medicine)*. Dordrecht, 2004. 406 p.

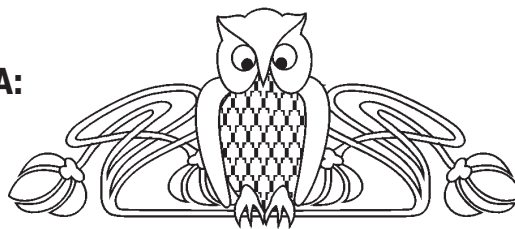
УДК 101.1:316

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Трунёв Сергей Игоревич — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: si_trounev@mail.ru

Палькова Валентина Сергеевна — кандидат философских наук, ассистент кафедры государственного и муниципального управления, магистрант, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: valentinakz@list.ru

В статье затронуты вопросы операционализации понятий, определяющих специфику как современного зарубежного, так и оте-

чественного общества. Дан обзор дискуссионных положений употребления в российской научной литературе таких понятий, как постмодернизм, общество потребления, постиндустриальное общество и т.д., а также делается попытка операционализации этих понятий для изучения российского общества. Современное российское общество обозначается в терминах постисторического, сетевого либо информационного, общества постмодерна и т.п. Такой разброс различных понятий в представлении единого образа российского общества вносит определенный беспорядок в четкое определение современного состояния российского общества. Применение к современному обществу перечисленных

выше дефиниций должно быть всякий раз обусловлено областью их применения. Используя то или иное понятие при анализе российского общества, исследователи должны ясно представлять объект, по отношению к которому оно употребляется, точнее, знания, закрепленные за понятием и вкладываемые в него, не должны противоречить знаниям о называемом объекте. Исходя из этой презумпции, наиболее распространенные социально-философские понятия в определении современного российского общества должны быть операционализированы.

Ключевые слова: культура, постмодернизм, операционализация понятия, информационное общество, постиндустриализм, общество потребления, постиндустриальное общество, сетевое общество, философия культуры, консюмеризм.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-161-165

Все чаще и чаще приходится слышать о том, что современное общество и соответствующая ему культура вышли далеко за рамки известных определений. Действительно, мы можем обозначать современную культуру понятиями постисторического общества, постиндустриального общества, информационного или сетевого общества, индивидуализированного общества, постмодернистского общества, общества избытка или близким к нему понятием общества потребления. Подобное разнообразие дефиниций не только вносит определенную путаницу при анализе феномена современной культуры, но всякий раз заставляет нас заново определять границы используемых понятий.

Применяя то или иное понятие в научной литературе, мы должны ясно представлять себе объект, по отношению к которому оно употребляется, точнее, наши знания, закрепленные за понятием и вкладываемые в него, не должны противоречить нашим знаниям о называемом объекте. Исходя из этой презумпции, критически рассмотрим наиболее распространенные определения современного общества и соответствующей ему культуры.

Понятие «*постиндустриализм*» впервые упоминается в книге «Эссе в постиндустриализме: симпозиум пророчества относительно общества будущего» [1], изданной в 1914 г. под редакцией А. Кумарасвами (A. Coomaraswamy) и А. Пенти (A. Penty). Позднее А. Пенти использовал этот термин в заглавии своей работы «Постиндустриализм» (1921) [2], в которой он отмечал, что автором данного термина является специалист по доиндустриальному развитию азиатских стран доктор Кумарасвами. Так, он пишет: «С одной стороны, постиндустриализм ассоциируется с медиэвистикой, с другой, он может быть определен как “перевернутый марксизм”. Но в любом случае он обозначает состояние общества, которое приведет к распаду индустриализма, и

поэтому он может быть использован для обозначения всех теорий, объявляющих индустриализм обреченным. Нужда в таком термине обоснована тем, что он охватывает идеи приверженцев идеалам социализма и имеющим разное отношение к индустриализму; с моей точки зрения, уже давно понятно, что термин постиндустриализм, которым я обязан доктору А. Кумарасвами, хорошо подходит для этого» [2, с. 14].

В 1917 г., когда Россия претерпела известные драматические трансформации (знаменующие собой начало модернизации), выходит в свет работа А. Пенти «Старые миры за новых: исследование постиндустриального государства» (1917) [3], затем, в 1958 г., появляется исследование Д. Рисмана (D. Riesman) «Досуг и работа в постиндустриальном обществе» [4, с. 363–364] и, наконец, лишь в 1973 г. появляется работа Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» [5], на которую, собственно, и ссылается большинство отечественных гуманитариев. Очевидно, что в 1914 г. постиндустриального общества, в том смысле, каковой мы вкладываем в это понятие, просто не существовало и существовать не могло. Но также и в 1973 г. данный тип общества не рассматривался в качестве реально существующего, но именно в качестве «грядущего». Так когда же оно все-таки наступило? Соответствует ли понятие постиндустриального общества какой-либо эмпирической реальности?

В 1971 г. специфика постиндустриального общества определилась в работах Ю. Хаяши «Японское *информационное общество*: темы и подходы» (*курсив наш*. – С.Т., В.П.), «План информационного общества». В дальнейшем термин «информационное общество» стал использоваться такими современными классиками, как А. Турен, Э. Тоффлер, Р. Дарендорф, Ф. Феррароти, Э. Гидденс, Ю. Хабермас. Это понятие еще более конкретизировалось в работах Дж. Мартина «Общество проводов» (1978) и М. Кастельса «Сетевое общество» (1996). По-видимому, лишь с этого времени заявленный в 1914 г. постиндустриализм становится реальностью **развитых** стран, окончательно объединенных по сетевому принципу (информационными, экономическими и т.п. сетями).

Не все так просто и с понятием *постмодернизма*. Так, первое употребление данного понятия восходит к 1917 г. и работе З. Панвица «Кризис европейской культуры». Затем в порядке очередности следуют работы Ф. де Онис «Антология испанской и латиноамериканской поэзии» (1934) и А. Тойнби «Постижение истории» (1947). Однако большинство исследователей сходятся на том, что постмодернистская стадия

развития общества и культуры начинается в 1950-х гг. По-видимому, постмодернистская стадия на Западе продолжалась примерно до 1970-х гг., с начала которых западное общество и его культура вступают в стабильную стадию, именуемую обществом потребления и продолжившуюся вплоть до кризиса 2008 г. Косвенным подтверждением тому, что к 1970-м гг. западное общество вступило в новую стадию, представляется более или менее систематическое осмысление феномена постмодерна в таких работах, как «Общество потребления. Его мифы и структуры» (Ж. Бодрийяра, 1970), «Состояние постмодерна» (Ж.-Ф. Лиотара, 1979), «Ответ на вопрос: что такое постмодерн» (Ж.-Ф. Лиотара, 1983) [6]. Наконец, понятие *открытого общества*, развиваемое в работе К. Поппера «Открытое общество и его враги» (1945 г.), было в последний раз реанимировано в 1992 г. для открытия (или, лучше сказать, вскрытия) советского общества и ряда социалистических стран. Вместе с окончанием перестройки данная языковая конструкция практически перестала употребляться.

Здесь открывается тонкость, которую необходимо учитывать. Суть ее состоит в том, что введение всех отмеченных выше дефиниций **опережало развитие развитых стран**, длительное время оставаясь идеологическими (мифологическими, в терминах Р. Барта [7]) конструктами. Соответственно примененные к современному российскому обществу, они соответствуют ему лишь в той мере, в какой оно само выстраивается по западному образцу. Поскольку же факт совпадения западного и российского обществ не является очевидным, мы вправе утверждать, что западные определения, прилагаемые к реалиям российского общества, также содержат определенную долю мифологии.

Так, сформулированное Ф. Фукуямой в 1989 г. определение постисторического общества включает два основных компонента: демократию и либерализм в политике, а также рыночные отношения в экономике. Культура предстает здесь как инструмент удовлетворения все более и более изощренных запросов потребителя. В последнем Ф. Фукуяма смыкается с теоретиками общества потребления, и здесь важно поставить вопрос: чем является общество потребления – реальностью или очередной идеологией? Проблема состоит в том, что если кто-то что-то потребляет, значит, есть и кто-то, кто это производит. Иначе говоря, массовому обществу потребления должно противостоять элитарное «общество производства». Принимая это во внимание, отметим, что сама концепция общества потребления видится не научной, но

идеологической концепцией, согласно которой массам не остается никакой иной судьбы помимо непрерывного потребления. Ярчайшим примером практического воплощения данной идеологии является реклама, не оставляющая потребителю возможности «не выбирать». Кроме того, следует ответить и на вопрос: до какой степени современный россиянин вмещается в стандарты общества потребления?

Отвечая на этот вопрос, необходимо учесть несколько моментов: 1) в традиционной российской культуре избыточное **потребление** скорее порицалось, нежели считалось ценностью; 2) основным носителем **конsumerистских ценностей** на Западе является так называемый «средний класс», который в современной России отнюдь не доминирует, составляя приблизительно 20% от общей численности населения. Центр стратегических исследований (ЦИ) компании РОСГОССТРАХ опубликовал исследование, посвященное оценке численности среднего класса в России и его распределения по уровню доходов. Сегодня доля среднего класса в общей численности населения страны составляет 15%. Еще 27% россиян намерены стать средним классом через 5 лет или менее того [8]; 3) из-за относительно низкого уровня доходов россиян, в сравнении с европейцами и американцами, изобилие общества потребления является для большинства из них визуальным изобилием (в супермаркеты значительная часть россиян ходит «смотреть», а не приобретать). Кабельное и спутниковое телевидение, равно как и сеть Интернет, также переводят российского потребителя с потребления реальных материальных благ на потребление зрелища, доступного с экрана монитора. Визуальное поле Интернета создаёт визуальное присутствие потребительских желаний пользователя. Речь в данном случае, разумеется, идет о тех населенных пунктах, где перечисленные блага цивилизации являются частью повседневной жизни.

В связи с последним еще более значительные проблемы возникают в том случае, когда мы пытаемся «натянуть» на российские реалии идеалы описанного Э. Тоффлером и другими классиками *постиндустриального* или *информационного общества*: 1) российское общество во многом еще остается даже не индустриальным, а доиндустриальным (аграрным). Здесь, с одной стороны, наблюдается явное техническое и технологическое отставание и, с другой, очередной, обусловленный кризисом, откат к натуральному хозяйству; 2) российская экономика во многом является сырьевой экономикой, что также не вписывается в определение; 3) наконец, на до-

индустриальный характер российской культуры указывает низкая распространенность (или полное отсутствие) в сельской местности сферы услуг, и особенно услуг информационных. При наличии богатой фантазии представить себе сельскую парикмахерскую еще как-то возможно, но понятие «сельское интернет-кафе» балансирует на грани иронии и бессмыслицы.

Российское общество, как и его культура, также не являются *индивидуализированными* в тех терминах, какие использовал для описания данного типа общества З. Бауман. Для Баумана определяющими характеристиками современного общества являются, прежде всего, установка на краткосрочные экономические, социальные и культурные связи, жесткое разделение социума на пространственно свободную элиту и пространственно привязанную массу и, наконец, всеобщее стремление к абсолютной самостоятельности и свободе от любых обязательств. «Если что в нашем обществе и неправильно, – говорил Корнелиус Касториадис, – так это то, что оно перестало задавать вопросы самому себе. Это общество уже не видит себе альтернативы и потому не чувствует потребности изучать, демонстрировать, оправдывать (не говоря уж о том, чтобы доказывать) обоснованность объявленных и подразумеваемых своих обязательств. Это общество не сдерживает критических мыслей как таковых и позволяет своим членам без всякого страха их озвучивать» [9, с. 124]. Очевидно, что для современной России по-прежнему характерен «стайный» образ жизни подростков и/или малоимущих и семейно-клановый, практикуемый сформировавшейся к 2002 г. отечественной элитой.

Препятствием для распространения западного типа индивидуализма в России являются: 1) традиционный, кланово-семейный способ ведения хозяйственной деятельности; 2) эффективность работы такого адаптивного механизма, как сети взаимоподдержки, включающие развитый бюрократический аппарат, функционирующий по тому же принципу; 3) циклический характер российской истории, не позволяющий до конца отключать механизмы «стайного» взаимодействия: когда в стране кризис, люди сбиваются в группы, возобновляют потерянные за годы относительного благополучия дружеские и родственные связи и т.п.

Постмодерн, включая постмодернистское искусство, к 1990-м гг. оккупировал обе российские столицы, однако вглубь страны практически не продвинулся. И хотя феномен провинциального постмодерна в качестве определенного набора художественных практик, а также ряда их материализованных воплощений существует,

словосочетание: «Саратовский (Рязанский, Новокузнецкий, Челябинский и т.п.) постмодерн» звучит на редкость нелепо. Это означает, что исследователи, оперирующие понятием постмодерна для анализа современной культуры в целом, как минимум, ошибаются в отношении большей части России. В этой связи понятие постмодерна следует признать не соответствующим реальности.

Наконец, с «лихих 1990-х», оставаясь преимущественно *открытым для Запада*, российское общество стремительно закрывается. По меньшей мере, этот процесс наблюдается на уровне официальной идеологии. То, что догматические основы православия крайне слабо сочетаются с идеологией любого из описанных выше обществ, не подлежит сомнению. Примером этого может служить недавнее столкновение двух ценностных систем вокруг акции группы «Pussy Riot», действия которой, с одной стороны, вполне укладываются в определение искусства постмодерна, а с другой, выглядят как намеренное осквернение святыни.

Из сказанного следует сделать несколько выводов. Из-за слабого соответствия западных дефиниций современной культуры российским реалиям современная отечественная культура до сих пор требует разработки адекватного ей определения. Употребляя западные дефиниции в отношении российского общества, отечественные исследователи должны всякий раз операционализировать используемые понятия, т.е. указывать на конкретную локальную область их применения. В противном случае мы будем говорить ни о чем. Будущее российской культуры, скорее всего, станет развиваться по какому-то особому сценарию, соответствующему западным мифологиям лишь отчасти. И здесь отечественным интеллектуалам, на наш взгляд, есть о чем задуматься.

Список литературы

1. Coomaraswamy A. K., Penty A. J. Essays in post-industrialism : a symposium of prophecy concerning the future of society. L. ; N.Y., 1914. 283 p.
2. Penty A. Post-industrialism. L., 1922. 88 p.
3. Penty A. Old worlds for new : a study of post-industrial state. L., 1917. 195 p.
4. Riesman D. Leisure and work in post-industrial society // *Mass leisure : in 3 vol.* / eds. E. Larrabee, R. Meyerson. Clencoe, 1958. 111 p.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. 788 с.
6. Трунев С. И., Палькова В. С. Динамика элит и периодизация российского постмодерна // *Обсерватория культуры*. 2009. № 2. С. 92–96.
7. Барт Р. Мифологии. М., 2000. 320 с.

8. Росгосстрах. Численность среднего класса. URL: http://www.rgs.ru/media/Analitika/Middle_class_2012_2013.pdf (дата обращения: 19.02.2015).
9. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.

Contemporary Russian Society and Social-philosophical Analysis of its Definition

S. I. Trounev

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnikeskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: si_trounev@mail.ru

V. S. Palkova

Stolypin Volga Region Institute of Administration the Russian President Academy of National Economy and Public Administration
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: valentinakz@list.ru

This paper explores an operationalization of the concepts for contemporary Russian society. Drawing on theoretical frameworks of some concepts such as postmodernism, consumer society, post-industrial society the authors operationalize them. Our findings suggest that contemporary Russian society has a wide range of definitions. It is defined as post-historic, network or information society, postmodern society, etc. The set of different concepts represents Russian society and makes a definitions confusion. Such definitions should be applicable to modern Russian society. Using a particular concept for analysis of Russian society, it is important to compare the concept with our knowledge about society. The concept should not contradict our knowledge of about the society. Based on this presumption, some social-philosophical concepts should be operationalized.

УДК 001.3

КОНЦЕПТ РИСКА В ПРОБЛЕМНОМ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

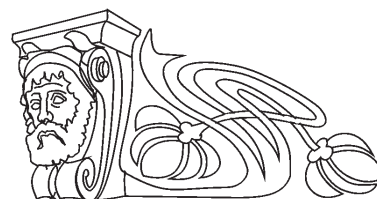
Устьянцев Владимир Борисович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: ystvb@list.ru

В статье обсуждаются методологические проблемы исследования рисков в социальных науках и пути концептуализации в социальной философии, ставится и решается вопрос об общих методологических принципах исследования социальных рисков. Особое внимание уделяется анализу онтологических начал рисков, связанных с состояниями рискогенной реальности и структурой рискогенного пространства. Антропологические основания рисков представлены в статье концептом «амбивалентный человек». Выясняются особенности социально-философского и социологического дискурсов рисков. Философский горизонт представлен анализом системных рисков. Выражая меру социального, системные риски проявляются как субстанциональные, институциональные и коммуникативные, образуя динамичные структуры общества риска.

Key words: culture, postmodernism, operationalization of a concept, information society, post-industrialism, consumer society, post-industrial society, network society, philosophy of culture, consumerism.

References

1. Coomaraswamy A. K., Penty A. J. *Essays in post-industrialism: a symposium of prophecy concerning the future of society*. London; New York, 1914. 283 p.
2. Penty A. *Post-industrialism*. London, 1922. 88 p.
3. Penty A. *Old worlds for new: a study of post-industrial state*. London, 1917. 195 p.
4. Riesman D. Leisure and work in post-industrial society. *Mass leisure : in 3 vol*. Eds. E. Larrabee, R. Meyerson. Clencoe, 1958. 111 p.
5. Bell D. *The coming post-industrial society*. New York, 1974. 499 p. (Russ. ed.: Bell D. *Gryadushchee postyudustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*. Moscow, 2004. 788 p.).
6. Trunev S. I., Palkova V. S. Dinamika elit i periodizatsiya rossiyskogo postmoderna (The dynamics of elites and periodization of the postmodern culture). *Observatoriya kultury* (Observatory of Culture), 2009, no. 2, pp. 92–96.
7. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 242 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, 2000. 320 p.).
8. *Rosgosstrakh. Chislennost srednego klassa* (Rosgosstrakh. The number of middle-class people in Russia). Available at: http://www.rgs.ru/media/Analitika/Middle_class_2012_2013.pdf (accessed 19 February 2015).
9. Bauman Z. *The individualized society*. Cambridge, 2001. 259 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, 2005. 390 p.).

Ключевые слова: амбивалентность, рискогенная реальность, концепт, субстанциональный риск, институциональный риск, коммуникативный риск, неопределенность, общество риска.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-165-170

Современное общество, вовлеченное в процессы глобализации, оказывается под прессом общемировых и национальных проблем развития, не поддающихся однозначным решениям. Вызовы современности, зарождающиеся в глобальной среде, в уплотненном пространстве городских агломераций, в непрерывно нарастающих миграционных потоках, захлестнувших